

Б. А. АБРАМОВ
МГПИ им. В. И. Ленина

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ МАКРОТЕКСТА

Объектом исследования является основная единица синтаксиса — предложение. Рассматриваются вопросы влияния текстового окружения на специфику предложения.

Вопрос о внутритекстовых функциях предложений в традиционном синтаксисе в полном объеме не ставился, поскольку в «дотекстовый» период для этого не было необходимых предпосылок, хотя отдельные суждения на этот счет высказывались, в частности, в связи с обсуждением места предложения в потоке речи [1].

До возникновения и интенсивного развития лингвистики и грамматики текста [2] в предложении видели «максимальную единицу синтаксического описания» [3], не входящую ни в какие более крупные синтаксические образования [4], и одновременно самостоятельную коммуникативную, или речевую, единицу.

Вполне понятно, что основное внимание синтаксистов было поэтому сосредоточено на изучении семантико-структурных, т. е. внутренних аспектов предложений, а также на их рубрикации по традиционно выделяемым коммуникативным типам. Следует однако подчеркнуть, что эти исследовательские задачи и сейчас остаются актуальными, ибо предложения как синтаксические единицы [5] с номинативно-коммуникативной функцией [6] организуются по своим собственным семантико-структурным и коммуникативным моделям, которые ни в коей мере не зависят от текста, благодаря чему предложения и в потоке речи сохраняют свой статус собственно синтаксических единиц [7]. Поскольку на их реализацию текст тем не менее может оказывать то или иное воздействие, характер и формы последнего, естественно, нуждаются в самостоятельном изучении.

Оценивая коммуникативный статус предложения, лингвотекстологи руководствуются суждением, что общаются люди друг с другом при помощи создаваемых ими текстов, и исходя из этого считается, что основной единицей, выражающей законченное высказывание, как пишет, например, О. И. Москальская, «является не предложение, а текст» [8]. Соответственно предложение трактуется уже как минимальная речевая единица [9], как важнейший структурный элемент текста [10]. На этой точке зрения базируется весьма распространенное определение текста как когерентной, т. е. семантически и структурно органи-

зованной последовательности предложений [11]. Это определение, правда, не универсально, поскольку, строго говоря, оно справедливо лишь для текстов незначительного объема, ибо только их удается расчленять прямо на предложения как непосредственные их конституенты, тогда как в текстах значительного объема всегда существуют промежуточные образования типа сверхфразовых единств и их блоков [12]. Хотя приведенное определение текста в указанном смысле несовершенно, тем не менее из него следует возможность и, пожалуй, даже необходимость рассмотрения функций предложений в тексте.

Вместе с тем нельзя не заметить, что сама проблема соотношения предложения и текста не столь проста, как это может показаться на первый взгляд. Поэтому ее обсуждают как в текстологических работах общего характера, так и в ряде посвященных ей публикаций [13]. Ее сложность обусловлена рядом факторов. Основными можно считать известную неопределенность сопоставляемых объектов, причиной которой является отмечаемая практически всеми неоднозначность терминов «предложение» и «текст», и перенесение некоторых свойств, традиционно приписывавшихся предложению как синтаксической и коммуникативной единице, на текст, что не могло не затруднить необходимого для четкого разграничения этих объектов уточнения их сущностных характеристик. О некоторых других факторах см. также [14]. Бесспорно, пожалуй, лишь то, что соотношение между предложением и текстом не задано жестко и что его характер меняется по мере увеличения объема текста. Так, если текст состоит лишь из одного предложения, то они соотносятся друг с другом совсем по-иному, чем тогда, когда текст представляет собой ряд предложений, и тем более, когда текст первично расчленяется на какие-то более крупные единицы. В таких случаях единицами, в которые непосредственно объединяются предложения, являются сверхфразовые единства. Перечисленные обстоятельства существенным образом осложняют изучение внутритекстовых функций предложений. Поэтому речь может идти пока только о суждениях предварительного характера.

Целесообразно, видимо, разграничивать три вида внутритекстовых функций предложений — содержательную, служебную и индикаторную.

Содержательной, или информативной [15], является функция предложений, с помощью которых вводится тема текста, осуществляется ее развертывание и в которых есть указания на ее исчерпанность. В монологическом, графически зафиксированном тексте содержательную функцию выполняют все или почти все входящие в него предложения.

Служебной следует считать функцию предложений, которые непосредственно не участвуют в развертывании темы текста, а используются как средства обеспечения связи между отдель-

ными сегментами текста, как средства его организации. С помощью таких предложений делаются отсылки либо к предшествующим, либо к последующим частям текста, к имеющимся в тексте графикам, рисункам, таблицам, а иногда даже к другим самостоятельным текстам. Эту разновидность носителей служебной функции называют иногда предложениями-скрепами. Другая их разновидность может содержать оценку сообщаемого, указание на последовательность развертывания темы и др. Содержание предложений со служебной функцией стереотипно, ср., например: «см. выше», «см. ниже», «см. табл., рис.», «ниже об этом будет сказано подробнее», «теперь обратимся к следующей проблеме» и т. п. Они встречаются в основном в некоторых текстах делового характера.

Индикаторной можно назвать функцию предложений, которые тем или иным образом участвуют в индикации коммуникативной функции текста.

Насколько можно судить, вид функции зависит в основном от грамматического статуса и от лексического наполнения предложения.

Рассмотрим теперь подробнее пока малоизученный вопрос о роли предложений в индикации коммуникативной функции текста. При этом будем исходить из следующего ее понимания: *коммуникативная функция* текста заключается в том, чтобы в условиях конкретной ситуации общения обеспечить реципиенту правильное понимание коммуникативного намерения автора данного текста. Она реализуется в опоре на внутритекстовые и на внешние по отношению к тексту индикаторы. В предлагаемом понимании коммуникативная функция текста (КФТ) сознательно отграничивается от коммуникативного намерения автора. Этим оно принципиально отличается от предложенного К. Бринкером определения, в котором КФТ и коммуникативное намерение автора, напротив, отождествляются [16]. Однако при рассмотрении индикаторной функции предложений целесообразно различать многие из высказываемых К. Бринкером соотношений относительно КФТ. Так, ориентируясь на представленную в теории речевой деятельности концепцию иллюкутивных индикаторов, он разграничивает три основных типа средств индикации КФТ:

1) языковые формы и структуры, с помощью которых КФТ выражается эксплицитно, т. е. осуществляется «прямая» ее индикация;

2) языковые формы и структуры, которые эксплицитно или имплицитно передают отношение автора (по терминологии К. Бринкера, эмиттента) к содержанию текста и лишь во взаимодействии с контекстуальными индикаторами, «косвенно» указывают на определенную КФТ;

3) контекстуальные индикаторы, к которым причисляются ситуативные, институциональные, социальные и некоторые дру-

гие, характеризуются как более сильные, чем индикаторы языковые, поскольку при их конкуренции в конечном счете контекстуальные индикаторы определяют КФТ [17].

В настоящее время известны несколько перечней КФТ, в той или иной степени отличающихся друг от друга по составу и принципам их выделения. К. Бринкер подчеркивает, что предлагаемая им классификация КФТ в отличие от классификаций, разработанных его предшественниками, покоится на едином критерии, в качестве которого избран «вид контакта, сигнализируемый эмиттентом реципиенту с помощью текста», и что его классификация представляет собой модифицированную типологию иллокуций, предложенную Сирлем [18].

Исходя из указанного критерия, К. Бринкер выделяет пять основных КФТ: информационную (Informationsfunktion), побудительную (Appellfunktion), «облигационную» (Obligationsfunktion), контактную (Kontaktfunktion) и декларационную (Deklarationsfunktion) [19]. Характеризуя каждую из них в отдельности, он указывает средства ее индикации и виды текста, для которых она типична.

Информационную функцию выполняют тексты, с помощью которых эмиттент сообщает реципиенту какие-либо сведения. «Прямыми» индикаторами этой функции служат перформативные формулы с глаголами: informieren — «информировать», mitteilen — «уведомлять», melden — «докладывать», eröffnen — «сообщать», berichten — «докладывать», beachtlichen — «извещать», unterrichten — «ставить в известность» и др. «Прямым» индикаторам могут сопутствовать «косвенные». К последним относятся, во-первых, модальные слова и модальные глаголы, позволяющие эмиттенту в большом диапазоне варьировать степень своей уверенности в достоверности сообщаемых сведений (такое сочетание «прямых» и «косвенных» индикаторов типично для газетных, телевизионных и радиоизвестий, сообщений и описаний различного характера, для отчетов об исследованиях, книг делового назначения и т. п.); во-вторых, разнообразная лексика оценочной семантики (такое сочетание характерно для рецензий, актов экспертиз, откликов читателей и др.).

Побудительную функцию выполняют тексты, создаваемые для того, чтобы вызвать у реципиента мыслительно-речевую или деятельностную реакцию, отвечающую намерениям эмиттента. К наиболее часто встречающимся «прямым» индикаторам этой функции относятся предложения с глаголами в императиве, инфинитивные конструкции, вопросительные предложения, модальные глаголы sollen и müssen в сочетании с инфинитивом, предложения с тап и глаголом в презенс конъюнктив, конструкции с глаголами haben/sein + zu + инфинитив. Значительно реже используются предложения с перформативно употребленными глаголами с семантикой побуждения, например, такие, как

auffordern — «призывать», befehlen — «приказывать», bitten — «просить», raten — «советовать», empfehlen — «рекомендовать», verlangen — «требовать», beauftragen — «поручать», а также fragen — «спрашивать». Побудительная функция типична для таких видов текстов, как реклама, текст агитационного содержания, разного вида инструкции и наставления, проповедь, просьба и др.

Облигационную функцию выполняет текст, в котором эмитент берет на себя определенное обязательство по отношению к реципиенту. В текстах с облигационной функцией используются преимущественно «прямые» индикаторы — перформативные формулы с глаголами: versprechen — «обещать», sich verpflichten — «обязываться», schwören — «клясться», garantieren — «гарантировать», sich bereit erklären — «заявлять о своей готовности», sich verbürgen — «(по)ручаться», wetten — «заключать пари» и т. д. К сортам текстов с облигационной функцией относятся расписки, гарантийные свидетельства, тексты договоров, соглашений и др.

Контактной (ее не следует смешивать с *контактоустанавливающей*, или *фатической* [20]) К. Бринкер называет функцию текста, с помощью которого эмитент выражает личное отношение к реципиенту. В таких текстах используются «прямые» индикаторы — перформативные формулы с глаголом или глагольно-именным сочетанием соответствующей семантики: danken — «благодарить», um Entschuldigung bitten — «просить извинения», gratulieren — «поздравлять», beglückwünschen — «желать счастья», Beileid aussprechen — «выражать соболезнование», verfluchen — «проклинать» и т. п. К текстам, являющимся носителями контактной функции, относятся поздравительные, благодарственные, а также те, в которых выражается сочувствие или соболезнование.

Декларационной К. Бринкер предлагает называть функцию текста, с помощью которого эмитент делает официальное или торжественное заявление. Эту функцию сигнализируют в большинстве случаев «прямые» индикаторы — предложения перформативного характера с глаголами соответствующей семантики, например, такими, как einsetzen — «назначать», ernennen — «назначать», bevollmächtigen — «уполномочивать» и др. Типичными текстами с декларационной функцией можно считать завещания, доверенности, разного рода грамоты и свидетельства.

Коммуникативную функцию К. Бринкер считает основным критерием для классификации текстов и разграничивает соответственно пять их классов, каждый из которых подразделяется на виды текстов на основе присущих им контекстуальных и структурных признаков.

Подводя итог, следует сказать, что в центре внимания К. Бринкера находится коммуникативная функция текста, и ее индикаторы рассматриваются именно в этом контексте. Но в

принципе можно перенести акценты на языковые индикаторы КФТ.

Из сказанного выше о типах индикаторов КФТ и об их удельном весе в ее индикации следует, во-первых, что индикаторную функцию выполняют только отдельные предложения текста, соответствующим образом оформляемые; во-вторых, что она определяется их грамматическим статусом и лексическим наполнением; в-третьих, что контекстуальные индикаторы сильнее языковых; в-четвертых, что содержательная, служебная и индикаторная функции возникают у предложений в составе текста и являются внутритекстовыми; в-пятых, что соотношение между КФТ и ее индикаторами имеет, по-видимому, универсальный, надязыковый характер, а индеолингвальная специфика может обнаруживаться в составе языковых индикаторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, **Admoni W. G.** *Der deutsche Sprachbau*. Leningrad, 1972. S. 276; **Erben I.** *Deutsche Grammatik. Ein Abriss*. München, 1972, S. 260—262 и др.
2. Термины «лингвистика текста» и «грамматика текста» нередко употребляются как синонимы. Однако, видимо, все же целесообразнее использовать их для обозначения разных исследовательских направлений, которые, хотя и тесно соприкасаются, но имеют тем не менее каждый свой предмет.
3. **Лайонз Дж.** Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 185.
4. **Sowinski B.** *Textlinguistik*. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1983. S. 52.
5. **Deutsche Sprache.** *Kleine Enzyklopädie*. Leipzig, 1983. S. 176; **Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981. S. 154.**
6. **Абрамов Б. А.** Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972. С. 93.
7. **Admoni W. G.** *Op. cit.* S. 276—277.
8. **Москальская О. И.** Грамматика текста. М., 1981. С. 9.
9. **Moskalskaja O. I.** *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. М., 1983. S. 214—215; **Heringer H.-J.** *Deutsche Syntax*. Berlin; New York, 1972. S. 14; **Jung W.** *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, 1980. S. 28.
10. **Brinker Kl.** *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, 1985. S. 17.
11. См., например, **Brinker Kl.** *Op. cit.* S. 14; **Engel U.** *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, 1982. S. 273; **Heupel C.** *Linguistisches Wörterbuch*. München, 1978. S. 140; **Jung W.** *Op. cit.* S. 29.
12. **Абрамов Б. А.** Предложение и текст // Лингвистические проблемы текста: Сб. научн. тр. М., 1983. Вып. 217; **Фридман Л. Г.** Структурные и функциональные особенности текста и его конститuentов // Вопросы синтаксиса и стилистики текста в современном немецком языке. Пятигорск, 1986. С. 6.
13. См., например, **Абрамов Б. А.** Предложение и текст; **Isenberg H.** *Text vs. Satz // Probleme der Textlinguistik II*. Berlin, 1977. S. 119—146; **Raible W.** *Satz und Text. Untersuchungen zu vier romanischen Sprachen*. Tübingen, 1972.
14. **Абрамов Б. А.** Предложение и текст; **Sowinski B.** *Op. cit.* S. 57.
15. Ср., например, **Тимофеева Н. С.** О некоторых внутритекстовых функциях предложений // Коммуникативно-прагматический аспект предложения в немецком языке. М., 1984. С. 131.
16. Ср. «Термин «функция текста» обозначает коммуникативное намерение эмиттента, выраженное в тексте с помощью определенных, конвенциональных, т. е. обязательных для коммуникантов средств» (**Brinker Kl.** *Op. cit.* S. 86).

17. Brinkel Kl. Op. cit. S. 90—92.
18. Там же. S. 97.
19. Там же. S. 97—113.
20. См. Словарь лингвистических терминов / Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1966. С. 508.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. В. ГАВРИЛОВА

Орехово-Зуевский пединститут

**ПРИЧИННО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ**

Каузатив и результатив рассматриваются как универсальная семантико-синтаксическая категория, отображающая новое состояние субъекта или объекта как результат предыдущего действия.

Причинно-результативные отношения рассматриваются нами как связь двух событий, из которых одно вызывает, детерминирует другое. При этом под событием понимается как свойство предмета, так и какое-либо действие, состояние. Соотносящиеся события, первое, вызывающее второе, и второе, вызванное первым, определяются как причина и результат. Лингвистические средства разных уровней, выражающие событие-причину, определяются как каузатив, а выражающие событие-результат — как результатив. Конструкции, выражающие причинно-результативные отношения, составляют каузативно-результативный комплекс.

Субъект познает мир и отражает в определенной языковой форме объективно существующие причинные связи. Результат этой познавательной деятельности может быть как модально нейтральным, так и модально насыщенным. Языковые формы, характеризующиеся нулевой модальностью познающего субъекта, представляют итог логических действий субъекта по установлению причинной связи событий, но так, будто эта связь существует сама по себе, без участия познающего мир субъекта. Эти причинные связи логически не детерминированы, они лишь отражают фактические причинные связи: *Il fixait longtemps les gens avant de leur parler, parce qu'il n'était pas sûr de sa vue et qu'il attendait d'entendre le son de leur voix* (G. Simenon).

Результат познавательной деятельности субъекта может быть также модально насыщенным. В этом случае в нем присутствует тот элемент, который можно условно назвать «модальность познающего субъекта» (МПС). Эти языковые формы показывают, каким образом познающий мир субъект пришел к осознанию объективно существующей причинной связи: по причине установил действие или по действию — причину. Это так называемые